

**УЖАС
ПО
СРЕДАМ**

ТЕРЕЗА ДРИСКОЛЛ

INSPIRIA

Москва
2022

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
Д74

Teresa Driscoll
I WILL MAKE YOU PAY

Copyright © 2019 by Teresa Driscoll. All rights reserved. This edition published by arrangement with Madeleine Milburn Ltd and The Van Lear Agency LLC

Дрисколл, Тереза.

Д74 Ужас по средам / Тереза Дрисколл ; [перевод с английского Н. В. Екимовой]. — Москва : Эксмо, 2022. — 384 с. — (Ток. Национальный бестселлер. Британия).

ISBN 978-5-04-164748-3

«Я порежу тебя проволокой для сыра».

Для журналистки Элис Хендерсон это была самая обычная среда. Пока искаженный металлический голос в трубке не произнес ту жуткую фразу. Возможно, просто дурацкий розыгрыш или очередной псих, ненавидящий журналистов? Но в следующую среду Элис получила еще одно послание...

Пытаясь понять, кто может ее преследовать, она вдруг осознает, что тревожные знаки по средам появились в ее жизни еще раньше. Некто хочет, чтобы она тряслась от ужаса, страдала перед смертью... Хочет ее наказать. Но за что? И почему именно среды?

Полицейские разводят руками. Безумно трудно вычислить таких анонимных преследователей, а уберечь жертву можно только под круглосуточным наблюдением. Остается одно – ждать новой среды. И каждая среда кошмарнее предыдущей...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

© Екимова Н.В., перевод
на русский язык, 2022
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-164748-3

Глава 1

ЭЛИС

— Я порежу тебя проволокой для сыра.

Вот что он говорит. Этот голос в первый раз звучит у меня в ушах. В моей голове. В моей жизни.

Сегодня среда, три часа пополудни, но я еще не осознаю, насколько важен этот день. До меня еще не дошло, что все началось раньше. Эта среда — на самом деле уже третья.

Поначалу все кажется нереальным. Голос в трубке искажен каким-то устройством и звучит механически. Эти металлические ноты приводят в ужас, и я бросаю трубку, не подумав. Позже пожалею об этом — надо было прислушаться как следует, ведь в самое ближайшее время полиция засыплет меня вопросами: «Он назвал вас по имени? Вы что-нибудь слышали на заднем фоне? Особенности интонации?» — а мне будет неловко, потому что ответов попросту нет.

А ведь предполагается, что наблюдательность — мой конек, этим я зарабатываю на жизнь.

В итоге я сижу в полном одиночестве посреди шумного офиса с кучей народу и не знаю, как себя вести. Я потрясена, но не только тем, что со мной произошло, но и своей типично британской реакцией — смущением и чувством неловкости. Да, именно. Звучит

нелепо, но я обескуражена тем, что меня, оказывается, так легко выбить из равновесия. Между мной и офисом словно возвели невидимую стену. И я буквально физически ощущаю, как пульсирует кровь в пальцах, которые все еще сжимают трубку.

Я смотрю на тыльную сторону ладони, вспоминаю механический голос — «провоолокой для сыра» — и, непроизвольно дернувшись, прячу руку между коленями. Перед глазами встает картина: продавцы из продуктовой лавки неподалеку от дома режут огромную сырную голову тонкой провоолокой. И тут же вижу, как эта провоолока врезается мне в...

Нет. Я выпрямляю спину. Интересно, зачем кому-то было говорить такие кошмарные вещи? Даже думать об этом жутко...

Обернувшись вправо, наталкиваюсь взглядом на Джека. Он входит в офис со стаканчиком кофе и садится за соседний стол. Мигает индикатор, сигнализирующий о новом звонке. Джек поднимает трубку, я с замирающим сердцем прислушиваюсь, но это явно другой абонент. Недоумение на лице Джека быстро сменяется раздражением, он закатывает глаза и подносит трубку к другому уху, чтобы объяснить, что «обычно мы не занимаемся делами о разводе, мадам...».

Мадам, видимо, настаивает, Джек слушает, прочищая горло, прежде чем продолжить.

— Да, я понимаю, вы в отчаянии, но, к сожалению, мы не освещаем бракоразводные процессы. Как правило, нет... Только в исключительных случаях...

Ответ слышен даже мне — Джек вдруг отдергивает трубку от уха, и в комнату льется поток отборной брани. Джек снова прижимает трубку к уху:

— Желаю вам благополучного исхода дела, мадам, но вынужден завершить звонок.

Джек допивает кофе и запускает стаканчик в урну в углу, а я поворачиваю голову налево и вижу Алана. Наш корреспондент криминальной хроники напряженно завис над клавиатурой. Сроки горят, и он яростно колотит по клавишам всеми пальцами — отчет о судебном заседании для онлайн-газеты нужен немедленно. Мне не хочется отвлекать ни его, ни Джека, потому что я еще сама не знаю, как реагировать на злополучный звонок. И как я должна при этом себя чувствовать.

Нам часто звонят люди со странностями. На прошлой неделе позвонила женщина, которая жаловалась, что ее преследует облако...

— Элис, ты в порядке?

— Да. Разумеется.

Но это не так. Проблема в том, что я никогда не сталкивалась с такими звонками. Я вновь поворачиваюсь туда, откуда раздался вопрос, — к Джеку. Все еще думаю о сырной проволоке. Острой как бритва. Она режет медленно и уверенно...

— О боже, Элис. Что-то ты неважно выглядишь. Может, воды принести?

Только теперь я осознаю, насколько тяжело дышу.

— Все нормально. — Чтобы успокоиться, я делаю глубокий вдох через нос и медленный выдох через рот. — Звонок какой-то странный прошел. Я слегка расстроилась.

— В смысле «странный»?

Наконец я набираюсь смелости взглянуть на Джека:

— Псих какой-то. Только что позвонил какой-то псих. Ерунда, ничего особенного.

— Ничего себе «ерунда». И что он сказал, этот псих?

Я молчу — мне не хочется повторять вслух то, что я услышала, не хочется приносить эти слова в свою жизнь, тащить их с собой дальше, в будущее.

— Что он сказал, Элис?

— Да так, ничего.

— Прошу тебя. Расскажи...

— Какой-то человек, скорее всего, мужчина. Он изменил голос с помощью устройства. И сказал: «Я порежу тебя проволокой для сыра».

— Охренеть! — Джек нервно приглаживает волосы и вскакивает. — Черт возьми. Измененный голос? Так. Сейчас я принесу тебе воды, а потом мы вместе пойдем к Теду.

Он бежит к кулеру и возвращается со стаканом, сует мне его в руки, обеспокоенно заглядывая в глаза:

— Не торопись. Пей до дна. Маленькими глотками...

Вода холодная; я пью, а сама думаю о контрасте — ледяная вода во рту и теплые пальцы, сжимающие пластик.

Проволока для сыра...

Джек внимательно следит за мной.

— Я в порядке, Джек. Честно. Перепугалась немного, не без того. Подумаешь, псих какой-то.

— По какой линии он звонил? По твоей или по общей? Если по общей, то это могла быть случайность. Он обращался к тебе по имени?

Вопросы толковые, знать бы еще ответы. Я приглаживаюсь к ряду огоньков на телефоне. Какой же из них мигал? Средний? Да.

— Линия триста один. Этот номер я даю для своей колонки, но он числится и как общий. Нет, по име-

ни, кажется, не обращался. — Я задумываюсь. — Нет, точно нет. Скорее всего, этот тип просто решил таким образом привлечь к себе внимание. Зря я так среагировала.

Джек мотает головой.

— Случайная ругань — это одно, такие звонки мы просто игнорируем. О прямых угрозах, тем более если в деле замешан модулятор голоса, докладываем Теда. Таковы правила. Давай, идем.

Взяв стаканчик с водой, я следую за Джеком к редактору — в небольшое пространство, отделенное перегородкой в углу офиса. Джек стучит в открытую дверь.

— Ну что там еще? Надеюсь, что-то важное. Мне только что звонил адвокат, он меня поедом ест..

— Извини, Тед. К Элис только что поступил звонок от какого-то психа. Этот тип угрожал, к тому же он изменил голос. Я решил, что ты должен знать.

Повторяю реплику абонента и вижу, как у Теда вытягивается лицо.

— Ясно. Он точно тебе звонил? Назвал тебя по имени?

— Нет, Тед.

— Хорошо. Уже хорошо. — На лице Теда читается облегчение. — Наверное, какой-нибудь случайный придурок, которого разозлили наши статьи. А ты что ответила, назвала себя?

Я хмурю лоб, вспоминая.

— Нет. Только название газеты.

— И он точно не упоминал твое имя?

— Точно.

Тед кивает.

— Ну и отлично. Так и запишем: «Случайный псих». Я отмечу в журнале, но радует, что это была не лич-

ная угроза. Хотя все равно неприятно. Голос изменил, ты смотри. Чем, кстати? Может, специальной программой для телефона?

— Понятия не имею. — Странно, что я сама об этом не подумала. Вообразила себе какое-то специальное устройство, механизм. Пожалуй, Тед прав — наверняка компьютерная программа. Какое-нибудь приложение.

— Ты как, Элис, в порядке? — спрашивает теперь уже Тед. — Может, отпустить тебя пораньше? Прогуляешься, воздухом подышишь.

— Нет-нет. Не стоит. Я в полном порядке. Просто подумала, что надо об этом рассказать. Вдруг этот тип снова позвонит, он ведь может еще кого-нибудь напугать.

— Да, верно. Я сейчас запишу в журнал, информация пройдет по всем отделам. Если он опять позвонит, я сообщу Алану. Хотя нет, лучше сразу сообщу, не дожидаясь звонков.

Алан — офицер по связям с общественностью из местной полиции. Приятель Теда, вместе выпивают. И вообще славный малый.

— Спасибо.

Я возвращаюсь на место. Стенания Теда по поводу статьи на первой полосе помогли отвлечься от звонка, и мне становится легче. Коллеги правы. Это случайность. Наверное, кто-то затаил обиду на газету — возможно, кому-то действительно не понравилась одна из статей. Интересно, которая? Может, судебное дело? Ладно, пора за работу...

— Извини, Джек, что я тебя в это втянула. Надо было просто не обращать внимания.

— Не говори глупостей. И сообщи, если опять позвонят на триста первую линию. Я сам отвечу. А то

вдруг этот тип решит повторить свою выходку. Поди, прочит там сидит, ублюдок.

Я морщусь.

— Ладно-ладно, Элис, прости. Брякнул, не подумав.

— Да нет, ты прав. Я в полном порядке, честно. Знаешь, пожалуй, все-таки пройдусь. Заскочу в кафе напротив, возьму приличного кофе. Воздухом подышу. Тебе кофе захватить?

— Да. Капучино, пожалуйста. Может, составить тебе компанию?

— Не надо, я уже в норме.

Склоняюсь влево и пихаю в бок Алана, жестом спрашивая, не хочет ли он кофе. Алан отрицательно мотает головой — весь в своей истории. Хватаю сумку и, сбежав по лестнице вниз, оказываюсь наконец на улице. Хорошо все-таки прогуляться. Дует легкий ветерок, шумит проезжая часть. Рев мотоцикла. Сигнал светофора на пешеходном переходе. Знакомые звуки и знакомая суета, среди которых я вновь обретаю уверенность.

Однако, приблизившись к кафе, я вижу через стеклянную витрину, как Джованни уже пишет мое имя на моем привычном заказе — маленьком стаканчике кофе. Еще до того, как я переступаю порог. Живот снова сдавливает спазм.

— Джованни, ты подрабатываешь экстрасенсом?

— Нет, что ты. Только что звонил какой-то парень, сказал, что ты зайдешь за заказом. Сказал: «Элис нужен двойной эспрессо. Она уже идет».

— Что за парень?

— Не знаю. Наверное, кто-нибудь из ваших, пошутить решил. Ты милая девушка, Элис. Скажи этим

хулиганам, что пора повзростеть. — И он грозит кому-то пальцем.

— Джованни, я понятия не имею, о чем ты толкуешь. Что за парень? И что за шутки? — Мелькнула мысль, что это мог быть Джек. Но он не стал бы так глупо шутить, тем более сейчас.

— Этот юморист использовал какую-то штуку, которая меняет голос. Звучит жутко. — Хозяин кафе закрывает стаканчик крышкой и протягивает мне. — Скажи парням из своего офиса, если хотят заказать кофе, то без проблем, но без этих дурацких штук. Что, если трубку возьмет одна из моих девочек? А? Нехорошо выйдет.

Глава 2

ЭЛИС

Спустя несколько часов я уже дома, жду Тома. Похоже, я стала параноиком.

Я заперла двери и проверила все окна. Настроила на стационарном телефоне определитель номера. Отключила навигатор на мобильном, поменяла пароли своих аккаунтов в «Твиттере» и на «Фейсбуке»¹, в «Инстаграме» установила приватный статус. Позвонила в охранную компанию и сделала вызов на завтра, чтобы они «от и до» проверили мою съемную квартиру с двумя спальнями. Заказала «одобренное полицией сигнализационное устройство», его тоже долж-

---

¹ 21 марта 2022 г. деятельность социальных сетей Instagram и Facebook, принадлежащих компании Meta Platforms Inc., была признана Тверским судом г. Москвы экстремистской и запрещена на территории России.

ны установить завтра. Короче, сделала абсолютно все, что посоветовали сделать полицейские, и даже более того — в «Гугле» нашла перцовый баллончик, хотя об этом мне не говорили.

И все равно не чувствую себя в безопасности.

Хотя в полиции ко мне отнеслись доброжелательно, беседа в участке все еще крутится в голове, не давая покоя.

Алан из отдела по связям с общественностью привел женщину-детектива, сержанта из уголовного отдела. Она сняла показания у меня и у хозяина кофейни. Пока шла официальная часть, все было хорошо; в глубине души даже мелькнула надежда, что полиция добьется какого-то результата. Сама не знаю, чего именно я ждала. Что они моего шутника из кармана вытащат, что ли? Но вскоре я заметила, как Алан переглядывается с сержантом, словно они знают что-то, чего не могу знать я. И тут до меня дошло: они все это делают просто потому, что таков порядок. И в качестве одолжения моему редактору.

— И что теперь? — спросила я.

Неловкая пауза и выражения их лиц подтвердили мою догадку.

Оказывается, если я сама не укажу на некоего возможного подозреваемого — на человека, которого всерьез расстроила моя статья или который меня домогался, — то ничего страшного не происходит. Отчет помещается в папку. И мы ждем развития событий...

— Главное сейчас — сохранять бдительность и собирать факты, Элис. Если он позвонит опять или случится еще что-то из ряда вон, вы должны все подробно записать и известить нас. Лучший ва-

риант, на который можно надеяться, — что это какой-то случайный псих, который просто догадался насчет кафе.

Больше всего меня удивило, что полицию, похоже, совсем не беспокоит тот факт, что этот мерзавец, возможно, следит за мной. А вот меня это беспокоит. И даже очень.

Иначе как он узнал, что я отправлюсь в кафе и каким будет мой заказ? По словам полицейских, такие типы часто действуют наугад, по наитию. Не надо быть гением, чтобы догадаться: если по соседству с редакцией газеты есть кафе, то журналисты — его частые гости. Возможно, этот парень позвонил в кафе заранее, чтобы узнать о моих предпочтениях. Или просто решил рискнуть.

— Но ведь он сделал заказ от моего имени. И знал, что я уже иду туда.

Тут они со мной согласились, мол, да, это весьма серьезно и заставляет задуматься. И выдали мне целый список с мерами предосторожности. Вызвать специалистов, поставить сигнализацию, ну и так далее. Даже снабдили рекламными листовками.

Вернувшись домой, я первым делом пересмотрела все сайты, где упоминалось о преследователях, об анонимных звонках с угрозами и тому подобном. Довольно удручающее чтиво.

Похоже, эти абоненты уверены в своей безнаказанности, потому и названивают.

Полиция ведь не приставит к вам круглосуточную охрану. Не выдаст новую машину. Не снимет другую квартиру. И пока ситуация не «обострится» (что именно они имеют в виду, страшно даже подумать), полицейские практически ничего не могут сделать.

Одним словом, спасение утопающих — дело рук самих утопающих.

Я еще раз окидываю взглядом комнату и встаю — сидеть на месте не вмоготу. Подхожу к окну и задергиваю шторы, хотя до наступления темноты как минимум час. Варю себе кофе, но, вдохнув его аромат, вдруг понимаю, что выпила достаточно кофе за сегодняшний день, и выливаю напиток в раковину.

Сидя за кухонным столом, пристально смотрю на дверь черного хода, вернее, на ее засов, когда в замке входной двери поворачивается ключ.

Чувствую глубокое разочарование и недовольство собой. И когда Том входит в квартиру, я уже горько плачу.

— Ну что ты, успокойся. Я же здесь. Спешил как мог. Как обстоят дела в полиции? Что говорят?

Я позволяю ему обнять меня на мгновение, но тотчас отстраняюсь, чтобы вытереть глаза рукавом. Я снова чувствую себя нелепо. Не хочу, чтобы меня видели такой другие люди. Даже Том.

Ему позвонил Джек, очевидно, пока я была в полиции, и теперь Том хочет услышать подробности.

— Послушай, Том, я не уверена, что у меня есть причина так расстраиваться. Возможно, я слишком остро реагирую.

И добавляю, что это, похоже, какой-то садист, который ждал именно такой реакции, а потому надо взять себя в руки и взбодриться.

Я сажусь на диван. Том присаживается рядом и берет меня за руку. Поначалу он довольно оптимистичен. Говорит, что звонил, вероятно, какой-то тип, ненавидящий нашу газету, а не меня лично, но когда я рассказываю про кафе, он начинает хмуриться.